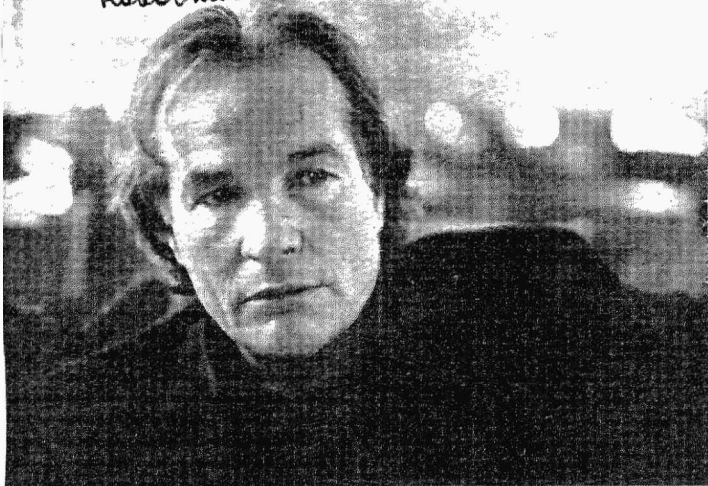

Петер Штайн

В «пятиконечном» театре

Моск. правда - 1990 - 25 дек. (N 51) - с. 11
новости

Генеральный режиссер Петер Штайн — мировой лидер первой величины — уезжает из Москвы в подавленном настроении: «Я не могу сваянуться с тем, что после переговоров в меня вливают огромное количество водки, а дело, на которое я положил два года, не движется с мертвой точки».

«Звезда» несколько не кокетничает. 53-летний немецкий режиссер выглядит скромным и доверчивым человеком. И эта доверчивость ему дорого обходится и в прямом, и в переносном смысле.

Когда в 1975 году Галина Волчек умоляла его поставить спектакль в «Современнике», он наотрез отказался: «Я не буду работать в тоталитарном государстве». Сейчас он сам просит Союз театральных деятелей СССР помочь ему осуществить мечту, которая нам может показаться странной: поставить трагедию Эсхила «Орестея» на московской сцене, где она никогда не шла.

Правда, непременное условие: сцена должна быть тридцать метров в длину и столько же в ширину. И ни на дюйм меньше. На этом условия Штайна, собственно, кончаются. Понимая, что он будет ставить спектакль в стране, жалеющей деньги на культуру, он уговорил «бюрократов» в Бонне, чтобы весь гонорар ему выплатило правительство ФРГ. За свой счет он сошьет в Германии костюмы и закажет декорации. За свой счет привезет из собственного театра светотехнику. Будучи по образованию филологом и знатоком древнегреческого, он сделал свой перевод «Орестеи» на немецкий, по которому теперь учатся студенты всех университетов в Германии...

В СТД Штайну обрадовались и пригласили работать к Марку Захарову, Анатолию Васильеву, Валерию Фокину. Но он хотел другого. И ему предложили арендовать для постановки... Манеж. Подписали контракт. И, как догадался читатель, проект был задушен отечественными бюрократами.

Тогда неутомимый Петер Штайн с немецкой тщательностью изучил все оставшиеся возможности и уцепился за последний шанс: он пошел в Театр Советской Армии, построенный в форме пятиконечной звезды. «У нас большая сцена задумана так, чтобы на нее мог въехать танк. — сказали ему. — На ней вы уместите хоть три греческие трагедии сразу».

Тут хотя бы одну... Штайн летит в Сибирь и смотрит труппу театра, которая гастролирует в Новосибирске. Он решает работать с ней. Артисты, испытывающие от громадной сцены одни мучения, в восторге. Особенно Людмила Андропова-Чурсина, которой, похоже, Штайн предложил главную роль. А начальство? Оно пишет письмо министру обороны Язову с предложением взять пьесу в постановке немецкого режиссера Штайна. Главное политическое управление вроде бы не возражает. Но оказывается, что на реконструкцию сцены нет денег.

«Кажется, пьеса Эсхила не направлена против армии, — произносит измученный двухгодичными мытарствами режиссер. — Я готов подписать контракт даже с дьяволом, лишь бы поставить «Орестею», и непременно здесь. Но пока единственное, что реально существует, — это мой гонорар от правительства ФРГ».

Неужели сцена Театра Советской Армии годится только для того, чтобы на нее въезжал танк?

Владимир ОРЛОВ.